

пользования «столичным» комфортом и перспективами на продажу своих товаров студентам, занимающимся в Афинах. Дополнительными факторами, привлекавшими иностранцев в Афины, были возможности больших подрядов на украшение города во время Адриана и возможности сбыта продукции афинских скульпторов в Италии.

Еще более важен анализ земельных отношений в Аттике в период Адриана прежде всего на основании надписи IG II-III^a 2776 (стр. 221—251). Основные выводы Дэй таковы: в период империи продолжается процесс централизации земельной собственности. Однако в отличие от Италии в Аттике крупные земельные владения никогда не концентрировались в одном деме и обрабатывались преимущественно арендаторами. Характерной особенностью крупного афинского землевладения было тесное переплетение его с ростовщичеством, как это видно хотя бы на примере Ирода Аттика. В период империи следует считать весьма важным фактором большую неравномерность в распределении богатств (the gross maldistribution of wealth) (стр. 250).

Две последних кратких главы обзорного характера освещают некоторые моменты из истории Афин в III в., а также IV и V вв. Последовавшее вскоре затем перенесение столицы в Константинополь окончательно подорвало экономику Афин, а победа христианства покончила также и с культурным значением славнейшего города античности. Основание в 425 г. Константинопольского университета—центра христианской учености—было последним ударом, от которого Афины так уже и не смогли оправиться.

В приложении Дэй анализирует данные о населении Афин на отдельных этапах их истории и приходит к выводу, что при настоящем состоянии науки невозможно установить какие-либо абсолютные цифры. Единственный источник, заслуживающий, по его мнению, доверия—это списки эфбев, сохранившиеся более или менее полно на протяжении пяти столетий от 267/6 г. до н. э. вплоть до 266/7 г. н. э. Но и эти данные могут дать только общую картину относительных изменений народонаселения Афин, но не способны определить абсолютные размеры населения города.

В общем и целом книга Дэй, особенно в первой своей части, является ценным исследованием по экономической истории Афин, прежде всего афинской торговли и, частично, земледелия. Совершенно ошибочны взгляды автора на результаты римского вторжения и господства в Греции. Вопросы рабовладения и положения рабов в Афинах и Аттике автором вообще игнорируются.

Я. А. Ленцман

E. GREN, Kleinasion und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit (Uppsala Universitets Arsskrif, 1944; 9).

Широкий интерес к экономической истории древнего мира, проявляемый современными учеными различных стран, нашел свое отражение в новой работе шведского ученого Э. Грена «Малая Азия и Восточные Балканы в хозяйственном развитии Римской империи», которая посвящена исследованию роли римской армии в экономике Римской империи, преимущественно во II—III вв. н. э.

Автор использовал большое количество разнообразных источников, а огромный библиографический указатель свидетельствует о хорошем знании литературы. Но Грэн не ограничился одним только собиранием материала, он предлагает новую и стройную схему, которая должна, по его мнению, объяснить историческое развитие Малой Азии и придунайских провинций в первые века нашей эры.

I глава посвящена обзору хозяйственного развития Малой Азии в эпоху Римской империи. Автор намечает ряд основных моментов, характеризующих это развитие: бурный экономический подъем внутренних провинций Малой Азии, упадок хозяйственной деятельности прибрежных городов и, наконец, передвижение торговых путей этой страны на северо-запад. В основе всего исследования лежит нумизматический мате-

риал, указывающий на прогрессирующее увеличение местной монетной чеканки в городах центральных провинций Малой Азии. Обратной стороной этого процесса было уменьшение экономической роли городов, расположенных по западному берегу малоазийского полуострова и на близлежащих островах. Исследуя положение Милета, Эфеса, о. Лесбоса, о. Самоса, автор приходит к заключению, что они вступают в полосу упадка, резко уменьшают свою чеканку (следовательно, торговлю) и ремесло к III в. (стр. 8), а Смирна—значительно раньше (сведения Элия Аристиды, жившего в Смирне в середине II в. н. э., признаются ложными). К сожалению, неясно, почему именно указанные пять городов были выбраны автором для обоснования своих заключений. Нам не кажется возможным согласиться с выводом автора о хозяйственном упадке Смирны уже во II веке н. э. Ряд данных говорит об экономическом расцвете города в это время: в городе было предпринято строительство водопровода (SIG, 3146 сл.), многочисленных храмов (например, храм Асклепия: Pausan, II, 26, 8) и др. (Т а с., Ann., IV, 31, 56 сл.; SIG, 3148, II, 8). Аристид (XIX, 11) говорит о расширении города: строится огромный театр на 20 000 зрителей и стадион¹. Аристид употребляет выражение *ἀύξασαί*, из которого следует, что в Смирне было несколько рыночных площадей (это не могло быть вымыслом, так как император Марк Аврелий, к которому обращена речь, бывал в Смирне и знал город), и говорит о многочисленных ремесленниках.

Следует вспомнить, что еще «*Expositio totius mundi*» рисует малоазийское побережье как цветущую область, говорит о Смирне и Эфесе как о крупнейших городах. Сам Грэн должен признать, что Эфес и Самос, даже судя по нумизматическому материалу, переживали расцвет (стр. 10—11).

Относительный расцвет Эфеса и Самоса во II и в начале III вв. н. э. автор объясняет тем, что через эти пункты проходила торговая дорога из Лаодикии (через Траллы и Магнезию). С изменением направления потока товаров и эти города приходят в упадок. Автор, однако, не касается причин изменения торговых путей Малой Азии.

Далее автор указывает на основные центры торговли, которые в императорское время выдвигаются на северо-западе Малой Азии (стр. 13 сл.). Особенно большую роль играет Вифиния как передаточный торговый пункт между Малой Азией и Балканами и между Малой Азией и Южной Россией (стр. 19).

Перемещение торговых путей на север втягивает Фракию, Нижнюю Мезию и частично Дакию в общеимперскую торговлю, и роль этих провинций в восточной торговле все время возрастает.

Во II главе автор исследует направление дорог в Малой Азии и на Балканах. Он приходит к выводу, что римляне в Малой Азии не нашли развитой сети дорог. До их появления дороги носили узко местный характер. Это же говорится о Лидии и Фракии. Появление римлян означало создание хорошо развитой сети дорог на Балканах и Малой Азии. Этот процесс начался в I в. и достиг кульминационной точки в эпоху Северов. Исследовав монеты с изображением *signa* («*Signamünzen*»), автор подчеркивает, что их местонахождение в том или ином населенном пункте указывает на частое передвижение по этим местам военных соединений. Эти-то военно-стратегические пути и явились впоследствии торговыми путями. Таким образом, войны, которые велись римским государством на дунайской и восточной границах, способствовали упорядочению торговых сношений и определили основные торговые пути этих областей. Вокруг этих дорог выросла мощная цепь этапов—остановок и складов, которые были необходимы для армии.

Нам кажется, что такое истолкование роли военных дорог будет некоторым преувеличением значения передвижения армии к границам и внутри римских провинций. Основной источник по этому вопросу, используемый Грэном,—исследование К. Боша о малоазийских монетах римского императорского времени, в котором делается заключение о том, что монеты с изображением *signa* в подавляющем большинстве

¹ Lampakis, *Οἱ ἐπὶ τῇ Ἀστερῆς τῆς Ἀποκαλύψεως*, 1969, стр. 133.

случаев были найдены в городах, лежащих на больших дорогах¹. Из этого нельзя еще сделать вывода о том, что военные дороги направляли торговые пути.

Монеты с *signa* чеканились, как указывает тот же исследователь (стр. 427), во времена правления императора Марка Аврелия, Луция Вера, Септимия Севера, Каракаллы, Александра Севера, Гордиана и Валериана (т. е. не ранее конца II в.), тогда как торговля между малоазийскими городами относится к значительно более раннему времени².

Не вернее ли будет предположить, что римляне использовали для военных целей уже имевшиеся, исторически сложившиеся торговые пути.

Автор слишком доверяет показаниям монет с изображением *signa*, в то время как места их находок до некоторой степени случайны. Так, например, Никомедию автор не считает важным военно-стратегическим центром Малой Азии на том основании, что там найдено очень незначительное число монет с изображением *signa*. Между тем, при всех больших военных кампаниях против врага на Востоке Никомедия была важным этапом³. Здесь стояли римские легионы при Каракалле⁴; о пребывании Элагабала и его армии в Никомедии сообщают Дион Кассий (LXXIX, 7, 3) и Геродиан (V, 5, 3); в 258 г. через этот же пункт прошли готы (Zosim., I, 35; SHA Gallieni, 4, 8); в 272 г. Аврелиан, направляясь с войском в Пальмиру, шел через этот же город; в 284 г. император Кар, возвращаясь с Персидского похода, избрал путь через Никомедию (Zosim., I, 73, 2).

Далее Грэн переходит к рассмотрению вопроса об экономических связях придунайских провинций в Малой Азии. Он детально исследует, какие продукты ввозят и вывозят из тех или иных областей.

В Малую Азию, утверждает Грэн, ввозили хлеб, видимо, из Египта и Северного Причерноморья, хотя ясных свидетельств об этом нет (стр. 63). В доримские времена из Малой Азии вывозили вино и оливковое масло, и Грэн предполагает, что этот вывоз сохраняется и при империи (стр. 63—64). Далее Грэн указывает на вывоз фруктов и предметов косметики из Малой Азии (стр. 64—65).

Большую роль в хозяйстве страны играли скотоводство и рыбная ловля; однако вывоз продуктов скотоводства и рыболовства был незначителен (стр. 67). Невелик был и вывоз металлов, больше вывозили драгоценные камни, мрамор и соль (стр. 68).

Из Малой Азии вывозили и продукты ремесленного производства: корабли (стр. 66), керамику и поделки из камня (стр. 68), мебель (стр. 69). Грэн, впрочем, отмечает, что кузнецы работают преимущественно на местные нужды—кроме производства оружия в больших мастерских (Fabriken) в Сардах и Никомедии (стр. 70). Грэн отмечает, что продукты ткацкого ремесла являлись предметом вывоза (стр. 72), хотя в отдельных случаях мы слышим о ввозе тканей из Египта (стр. 71).

Подводя итоги рассмотрению малоазийского вывоза, Грэн утверждает, что здесь существовал развитый экспорт разнообразнейших предметов. В сочетании с ограниченным импортом это создавало активный торговый баланс (стр. 73).

Иная картина в придунайских провинциях. Грэн подчеркивает, что сюда ввозили как раз те продукты, которые экспортируют из Малой Азии. Сюда ввозили вино и оливковое масло (стр. 74), фрукты (стр. 75), соль для засолки рыбы (стр. 79), продукты ре-

¹ K. B o s c h, Die Kleinasiatischen Münzen d. röm. Kaiserzeit «Arch. Anzeiger», 1931, стр. 426.

² W. W a d d i n g t o n, Voyage en Asie Mineure au point de vue numismatique, Paris, 1853; E. B a b e l o n et T h. R e i n a c h, Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, Paris, 1904; F. I m h o o f - B l u m e r, Kleinasiat. Münzen, Wien, 1901—1902; S i x, Münzkunde Pisidiens, «Zeitschrift für Numismatik», 1878.

³ R o s t o v t z e f f, «Ann. Brit. Sch.», XXII, 1916/18, стр. 13 сл.

⁴ «Arch. Anzeiger», 1931, стр. 426.

месла (стр. 80). Все это свидетельствует, что в этих провинциях был налицо пассивный баланс, которого не могли покрыть ни вывоз золота, ни транзитная торговля (стр. 86), ни торговля рабами (стр. 84).

Центральное место в рецензируемой книге занимает IV глава, посвященная роли римской армии в хозяйственном развитии Малой Азии и Балкан. Три предыдущие главы являются подготовкой к тем выводам, которые здесь делаются.

В IV главе Грэн прежде всего указывает, что Восточные Балканы еще и при республике были районом постоянных передвижений войск (стр. 91). В первых веках нашей эры можно наблюдать постоянный рост армии, с которым, утверждает Грэн, связан уже отмеченный им рост благосостояния городов (стр. 95).

Одновременно изменяется и экономический характер армии. Ядро легионов все более и более прочно оседает в лагере, который превращается в целый городок. Легионеры все более рекрутируются из числа жителей провинции, в которой стоит легион. При Септимиусе Севере легионеры получают право заключать законные браки—возникают солдатские семьи (стр. 98—99). Все это увеличивает, утверждает Грэн, капиталовложения легионеров, помещаемые в районе лагеря (стр. 100).

Жалованье дунайским легионам и *auxilia* в III в. равнялось 30 мил. динариев (плюс *praemia militiae*, которую получали легионеры при отставке),—значительная часть этих денег оседала в тех провинциях, где стояли легионы.

Легионы сопровождало большое число штатских лиц. Растет число городских жителей за счет людей, связанных с лагерем и строящих близ городов свои бараки. Число жителей провинций увеличивалось и за счет ветеранов, которые обосновывались здесь и вкладывали полученные за службу суммы в хозяйство провинций. Сюда перемещались мастерские, связанные с производством военного снаряжения и обмундирования.

Этот «ввоз капитала» в придунайские области особенно увеличивается при Северах, когда было создано ведомство *res privata*, которое черпало средства, необходимые для армии, из конфискаций (стр. 146). Такие массовые конфискации и означали перекачку «капиталов» в провинции, в результате чего в них еще более усиливается рост благосостояния» (стр. 147).

Когда в III в. эти области подверглись вторжению варваров, это привело к уничтожению огромных масс «капитала» (стр. 148). Этим-то, по мнению Грэна, и объясняется дороговизна рабочей силы, натурализация хозяйства и появление представления о земле как единственной верной форме капиталовложений (стр. 149).

В последней—небольшой—главе Грэн останавливается на дальнейшей судьбе этих областей в период Византийской империи. Здесь, по его мнению, роль римской армии как огромного центра потребления стал играть Константинополь (стр. 159). Идром Византии была Малая Азия, поэтому империя, оправившаяся после аваро-славянских вторжений на Балканы, уже не могла оправиться после сельджукских завоеваний (стр. 167).

Концепции Эрика Грэна нельзя отказать в ясности и последовательности. Он находит единый фактор, объясняющий особенности исторического развития в изучаемых им областях. Он утверждает, что римская армия играла не только разрушающую роль (как это указывают обычно). Он утверждает, что армии принадлежит большая творческая роль в экономическом развитии страны (стр. 89). Пребывание армии не разрушает, а оживляет хозяйственную жизнь провинции, повышает жизненный уровень населения, что создает возможность для усиленного импорта (стр. 90). Римская армия, говорит Грэн в другом месте, и прежде всего оккупация земель по Дунаю была искомым фактором, «объясняющим связь событий»: «Мы ясно видим,—утверждает Грэн,—что влияние армии на хозяйственную жизнь этих областей было решающим» (стр. 135).

Усиленное потребление больших масс продуктов, связанное с пребыванием армии, по мнению Грэна, повышает жизненный уровень в провинции. Армия как бы играет в схеме Грэна примерно ту роль, которую играет город в известном законе Тюнена. Это особенно ясно простирает там, где Грэн сравнивает хозяйственное значение армии со значением Константинополя. Большой город и равно армия являются в схеме Грэна

огромным потребляющим рынком, который поглощает большие массы товаров. Исходя из факта потребления, Грэн, естественно, оставляет в стороне процесс производства. Кризис рабовладельческой системы, развитие колоната, закрепощение коллегий—все это остается вне поля зрения Грэна. Поэтому его объяснения сплошь да рядом случайны, не исходят из существа явлений. Например кризис III в. и натурализация хозяйства объясняются, по мнению Грэна, не внутренним развитием античного общества, а, как мы видели, простым уничтожением больших капиталов, инвестированных в пограничных провинциях. Грэн, видимо, не знает, что количество денег, находящихся в обращении, зависит от скорости обращения и общей массы производимых товаров, т. е. в конце концов определяется производством (Маркс, Капитал, т. I, 1937, стр. 117).

Таким образом, первым методологическим недостатком работы Грэна является то, что он за исходный пункт исследования принимает потребление, которое, по его схеме, определяет и производство и благосостояние населения. Второй недостаток—это склонность к модернизации. «Капитал», «фабрики» и прочие категории современного общества не сходят со страниц книги Грэна. Следует отметить, что большой город в античности играл иную роль, чем в буржуазном обществе, и Сальвиоли уже показал неприменимость закона Тюнена для античного Рима. Он указал, что Рим был окружен не садами и огородами, как это требуется по закону Тюнена, но болотами и пустырями, служившими пристанищами для наемных убийц. Подобно этому и римская армия выступает в источниках далеко не с такими благородными функциями, как в вульгарных политико-экономических рассуждениях Грэна.

Грэн обходит полным молчанием те убытки, которые несла с собой римская армия благодаря насилиям солдат, узаконенным реквизициям и государственным налогам. Резкое увеличение налогов, порча монеты и конфискация имуществ, столь характерные для времени правления «солдатских» императоров, тесным образом связаны с увеличением сумм, выплачиваемых солдатам, и нормы их содержания.

На случайных материалах строятся рассуждения Грэна о торговом балансе. Например, доказывая наличие вывоза вина из Малой Азии в I—III вв. н.э., Грэн может сослаться только на эллинистические амфоры—остальное дополняют предположения (стр. 64). Отсутствие на Восточных Балканах своего производства оливкового масла он доказывает ссылкой на средневековое сельское хозяйство (стр. 74). Эта ссылка не может явиться серьезным доказательством. Надо отметить, что византийские акты из Фракии хорошо знают оливковые деревья, да и сербские средневековые памятники нередко упоминают «млин». Византийские писатели, например Никифор Григора, изображают южное побережье Фракии (район Афона) цветущим садом.

Совсем неудачной следует признать последнюю главу, где Грэн на немногих страницах старается нарисовать экономическое развитие Византии, не столько на основании источников, сколько с помощью остроумных логических построений.

Подводя итоги, мы должны сказать, что книга Грэна написана с большим знанием дела, но ее основная мысль—о большой творческой роли армии, о прогрессивности ее найдена не в источниках по экономической истории Римской империи, но в идеологическом арсенале предвоенной Германии.

А. Каждан,
Т. Златковская

ANDRÉ LOYEN, *Recherches historiques sur les panégyriques de Sidoine Apollinaire* «Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes», fasc. 285, Paris, 1942. «Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gaule aux derniers jours de l'Empire», Collection d'études latines, Série scientifique, XX, Paris, 1943.

Работы Луайена посвящены Сидонию Аполлинарию (ок. 430—486 гг.), крупному галльскому землевладельцу и епископу, который был современником краха Римской